

Маргарита Завадская

Влияние выборов на легитимность политического режима в переходных обществах: страны Юго-Восточной Европы и постсоветского пространства

В государствах, появившихся на политической авансцене в связи с падением коммунистических режимов и распадом СССР, сложился весьма пестрый спектр политических режимов, от стабильных и довольно рано сформировавшихся демократий в Словении и Чехии до откровенных автократий в Беларуси и в азиатских республиках постсоветского пространства. Общих институциональных характеристик у этих режимов немного. К их числу относится то, что во всех этих странах проводятся выборы. Действительно, выборы традиционно считаются одним из ключевых элементов демократии, призванным канализировать политическое участие, артикулировать публичные интересы и, в конечном итоге, способствовать легитимации политического режима. Проводятся они и в условиях авторитаризма, в рамках которого они тоже выполняют важные функции, связанные с легитимацией политического режима. Понятно, что способность выборов справляться с этим широким кругом политических задач существенно зависит от национально-государственного контекста.

По мнению ряда исследователей, выборы — независимо от типа политического режима — обладают некоторым демократическим потенциалом. Поэтому они могут способствовать либерализации авторитарных политических режимов как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе¹. Этот эффект имеет кумулятивный характер: чем больше электоральный опыт страны, тем больше у нее шансов на установление демократии². Кроме того, выборы могут выступать в качестве способа демократического транзита³. Правда, эту роль они играют лишь в благоприятном контексте, к числу ключе-

¹ Lindberg S. The Power of Elections in Africa Revisited // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

² Teorell J., Hadenius A. Elections as Levers of Democratization: A Global Inquiry // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009; Eisenstadt T. Courting Democracy in Mexico: Party Strategies and Electoral Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

³ Lindberg S. Op. cit.

вых элементов которого относятся степень консолидации режима⁴, уровень конкуренции на выборах⁵, особенности избирательной системы⁶, стратегии инкубентов и оппозиции⁷ и т.д. Существует и более скептический взгляд на роль выборов в демократизации. Действительно, выборы могут укреплять и легитимировать явно авторитарные режимы через воспроизводство патронажных и клиентелистских практик⁸. Задача данного исследования — выяснить, существует ли связь между качеством электоральных процессов и легитимностью политического режима независимо от его фундаментальных характеристик. Можно предположить, что справедливые и конкурентные выборы должны оказывать положительное воздействие на доверие граждан к политическим институтам в условиях демократии. Однако это предположение нуждается в эмпирической проверке. Авторитарные режимы тоже могут обладать высокой степенью легитимности. Способствуют ли этому выборы, и если да, то в какой степени и каким образом? Ответить на этот вопрос можно только путем эмпирического исследования.

Таким образом, в данной работе я протестирую гипотезу о взаимосвязи качества выборов и легитимности политического режима на материале двадцати трех переходных стран Юго-Восточной Европы и постсоветского пространства. Хронологические рамки исследования — 1999–2008 гг. Эти государства объединяет то, что они были захвачены так называемой третьей волной демократизации. Данные об их развитии являются предметом пристального внимания международных

⁴ Roessler P., Howard M. Post-Cold War Political Regimes: When Do Elections Matter? // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009; Bunce V., Wolchik S. Democratization by Elections? Postcommunist ambiguities // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20, N 3. P. 93–107; Alexander M. Democratization and Hybrid Regimes: Comparative Evidence from Southeast Europe // East European Politics and Societies. 2008. Vol. 22. N 4. P. 928–954.

⁵ Brownlee J. Harbinger of Democracy: Competitive Elections Before the End of Authoritarianism. // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

⁶ Norris P. All Elections are not the Same: Why Power-Sharing Elections Strengthen Democratization // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009.

⁷ Shedler A. Sources of Competition under Electoral Authoritarianism // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009; Rakner L., Van de Walle, N. Opposition Parties and Incumbent Presidents: the New Dynamics of Electoral Competition in Africa // Democratization by Elections. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2009; Bunce V., Wolchik S. Op. cit.

⁸ Lust E. Competitive Clientelism in the Middle East // Journal of Democracy. 2009. Vol. 20. N 3. P. 122–135.

организаций, проводящих систематический мониторинг экономических и политических процессов в этом регионе. За основу были взяты материалы проекта «Nations in Transit», реализуемого в течение 2000-х гг. неправительственной организацией «Freedom House». Наблюдается значительное разнообразие политических режимов и социально-экономических условий функционирования данных политий. Некоторые страны Восточной Европы — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия — вошли в Евросоюз и представляют собой образцы стабильного и последовательного демократического транзита. В то же время балканские страны претерпели сецессии, гражданские войны, международное вмешательство, включая прямые интервенции (как в случае Сербии и Косова), ослабление государства и этнические конфликты. Страны постсоветского пространства, будучи связанными общим прошлым, сильно различаются с точки зрения динамики политических режимов: в некоторых из них прокатилась волна «цветных революций», которые привели к власти оппозицию, а в других она потерпела поражение⁹.

Я не ставлю цель исследовать демократизирующий эффект выборов в странах региона. Сосредоточусь на анализе более узкого аспекта: способствует ли качество выборов легитимности политического режима? Разумеется, качество выборов является далеко не единственной потенциально значимой переменной для подобного рода анализа. К числу альтернативных объяснительных факторов можно отнести динамику экономического развития¹⁰; внешние и внутренние кризисы (экономические потрясения, поражение в войне, как в случаях Сербии и Грузии); наличие этнической, языковой или религиозной фрагментации и институциональные возможности для представительства меньшинств¹¹; уровень коррупции и неравенства. Влияние этих переменных как альтернативных объяснительных факторов тоже будет протестировано в рамках данной работы.

Известно, что спорить о сущности демократии можно бесконечно. Однако есть несколько подходов, позволяющих различать политические режимы с точки зрения их соответствия/несоответствия нормативному видению демократии. Основы данной исследовательской процедуры были заложены еще Р. Далем¹². В последние годы создано несколько типологий, выделяющих разнообразно-

сти политических режимов, оказавшихся в «серой зоне» между авторитаризмом и либеральной демократией: «гибридные режимы»¹³, «соревновательный авторитаризм»¹⁴, «нелиберальные демократии»¹⁵, «неопатримониальные режимы»¹⁶, «электоральный авторитаризм»¹⁷. В данной работе я буду оперировать типологией политических режимов, предложенной Ф. Росслером и М. Ховардом. В ее основу положено наличие или отсутствие выборов, их конкурентность, честность и справедливость, а также верховенство закона и соблюдение других прав¹⁸. Исследователи выделяют закрытые, гегемонистские и соревновательные авторитарные режимы, электоральные и либеральные демократии. В данной статье фигурируют почти все указанные типы: гегемонистские режимы (например, Азербайджан), соревновательные авторитарные режимы (Казахстан), электоральные демократии (Украина), а также либеральные демократии, в числе которых, согласно измерениям Росслера и Ховарда, оказались Венгрия, Польша и Литва¹⁹.

Как уже было указано, зависимой переменной является уровень легитимности политического режима. Политическая легитимность в контексте данного исследования — это «способность политической системы порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты наиболее соответствующие и подходящие для данного общества»²⁰. Ключевой характеристикой легитимности является доверие к основным политическим институтам: представительному органу, президенту²¹, правительству и политическим партиям.

¹³ Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. N 3. P. 20–37.

¹⁴ Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. N 2. P. 51–65.

¹⁵ Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. N 6. P. 22–43.

¹⁶ Bratton M., Van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

¹⁷ Sheddler A. Electoral Authoritarianism // The Dynamics of Unfree Competition. London: Lynne Rienner Publishers, 2006.

¹⁸ Roessler P., Howard M. Op. cit. P.105–106.

¹⁹ Ibid. P. 114

²⁰ Lipset, S. and Schneider, W. The Decline of Confidence in American Institutions // Political Science Quarterly. 1983. Vol. 98. N 3. P. 64.

²¹ Существует ряд методологических и технических сложностей с измерением доверия президенту. Поскольку этот политический институт достаточно сильно персонализирован, трудно различить доверие к институту и доверие к конкретной персоне. Кроме того, в большинстве опросов общественного мнения не используются отдельные вопросы о доверии к институту президента и к конкретному президенту.

⁹ Bunce V., Wolchik S. Op. cit.

¹⁰ Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

¹¹ Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977; Norris P. Op. cit.

¹² Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

Можно предположить, что роль этих политических институтов в легитимации режима варьирует в зависимости от институционального дизайна: в парламентских системах доверие парламенту более показательно, чем в президентских. Но на практике, как показывают данные в Таблице 1, соответствующие показатели сильно коррелируют между собой. Поэтому вполне правомерно использовать в качестве зависимой переменной только доверие к парламенту. Важным аргументом в пользу такого выбора служит и то, что выборные legislatures присущи всем типам институционального дизайна.

Таблица 1. Парные коэффициенты корреляции между переменными: доверие парламенту, доверие политическим партиям и доверие правительству²²

	Доверие парламенту	Доверие политическим партиям	Доверие правительству
Доверие парламенту	1	,920**	,898**
	.	,000	,000
Доверие политическим партиям	,920**	1	,718**
	,000	.	,000
Доверие правительству	,898**	,718**	1
	,000	,000	.

** Корреляции значимы на 1%-ном уровне

Примечание: коэффициент корреляции Пирсона (сверху), двусторонняя вероятность (снизу), N = 23 (количество случаев).

Исследуемые страны в период 1999–2008 гг. входили в выборку проекта «World Values Survey», результаты опросов которого создали эмпирическую базу данного анализа. Независимой переменной является качество выборов. Для операционализации этой категории я воспользовалась данными проекта «Nations in Transit», в рамках которого раз в год измерялось качество электоральных процессов²³. В анализ были включены следующие контрольные переменные: 1) ВВП на душу населения, рассчитанный как паритет покупательской способности, как показатель уровня экономического развития (среднее значение за 1999–2008 гг.); 2) уровень этнической фракционализации²⁴; 3) уровень

коррупции²⁵ (среднее значение за 1999–2008 гг.); 4) индекс человеческого развития²⁶ как показатель модернизации; 5) децильный коэффициент как показатель неравенства²⁷.

Моя основная гипотеза состоит в следующем: чем выше качество электоральных процессов, тем выше уровень доверия к политическим институтам, а следовательно, и легитимность режима в целом.

Альтернативные гипотезы:

- 1) Чем выше уровень экономического развития, тем выше уровень доверия политическим институтам.
- 2) Чем выше уровень модернизации, тем выше уровень доверия политическим институтам.
- 3) Чем выше уровень коррупции, тем ниже уровень доверия политическим институтам.
- 4) Чем выше уровень этнической фракционализации, тем выше уровень напряженности и конфликтности в обществе, а значит, тем ниже уровень доверия институтам.
- 5) Чем выше уровень неравенства, тем меньше доверие политическим институтам.

Кроме того, уровень гражданского участия может служить индикатором доверия граждан к существующему политическому режиму. Участвуя в конвенциональных и легальных гражданских акциях, граждане демонстрируют веру в то, что их действия могут оказать эффект на процесс принятия решений, а значит, существующие политические институты в целом легитимны. Если же уровень конвенционального гражданского участия низок, то граждане либо «уходят» из сферы политики, либо под влиянием других причин (кризисов, неравенства, бедственного положения) предпочитают неконвенциональные или даже насильственные акции протеста. Поэтому в анализ введена еще одна контрольная переменная — уровень гражданского участия, выражающегося в подписании петиций и выходе на мирные демонстрации. Мною были использованы последние доступные данные проекта «World Values Survey» по исследуемым случаям за 1999–2008 гг.²⁸

В анализ включены и такие переменные, как явка на президентские и парламентские выборы.

www.economics.harvard.edu/faculty/alesina/files/fractionalization.pdf, <http://unstats.un.org/unsd/demographic/sconcerns/popchar/popchar2.htm>

²⁵ Corruption Perception Index // http://www.transparency.org/news_room/in_focus/2009

²⁶ Human Development Index // https://www.cia.gov/search?q=gdp+ppp+by+country+1999&site=CIA&output=xml_no_dtd&client=CIA&myAction=%2Fsearch&proxy_stylesheet=CIA&submitMethod=get&x=0&y=0

²⁷ <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/160.html>

²⁸ World Values Survey // <http://www.worldvaluesurvey.org/>

²² World Values Survey // <http://www.worldvaluesurvey.org/>

²³ Freedom House // <http://www.freedomhouse.hu/images/nit2009/tables.pdf>

²⁴ Alesina A. et al. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. N 2. P. 184–189. <http://>

Иногда высказывается мнение, что явка связана с легитимностью политического режима. Но я не ожидаю значимой связи между этими параметрами. В контексте данного исследования явка — это контрольная переменная. Ведь даже в критических ситуациях, когда режим себя дискредитировал, вероятно высокая явка на выборы. Кроме того, высокая явка на президентские выборы может косвенно свидетельствовать об уровне персонализма как источнике легитимности, альтернативном доверию к институтам. Таким образом, можно сформулировать еще две гипотезы:

- 6) Связь между явкой на парламентские выборы и доверием к парламенту незначима.
- 7) Чем выше явка на президентские выборы, тем выше уровень легитимности политического режима.

Указанный массив данных проанализирован с помощью методов множественной линейной регрессии, вычисления множественных коэффициентов корреляции, а также кластерного анализа.

В результате статистического анализа наиболее значимая связь наблюдается между качеством

электоральных процессов и доверием к политическим институтам. Но эта связь — отрицательная. Более того, негативная корреляция между качеством выборов и доверием к парламенту статистически значима (см. Приложение 1). В итоге получаем парадоксальный вывод: чем хуже показатели качества электоральных процессов, тем выше легитимность политического режима.

Очевидно, что наибольшие фальсификации и нарушения на выборах допускаются в условиях авторитаризма. Стало быть, качество выборов в авторитарных режимах не является фактором легитимации. Более того, есть вероятность, что действительно конкурентные и свободные выборы снижают уровень легитимности политического режима. Как показывает график зависимости доверия к парламенту от качества выборов, почти все случаи (кроме явно отклоняющихся случаев Азербайджана, Албании и Македонии) выстраиваются вдоль регрессионной прямой. Кроме того, на графике отчетливо выделяется кластер стран Вышеградской группы, для которых характерно относительно высокое качество электоральных процессов, но при этом низкие или умеренные значения по показателю доверия, не считая Словакии.

Таблица 2. Значимость связей между доверием парламенту и тестируемыми переменными²⁹

	ВВП на душу населения, USD	Индекс этнической фракционализации (в долях)	HDI (в долях)	Децильная пропорция (в долях)	CPI (в долях)	Явка на президентские выборы	Явка на парламентские выборы	Регион ****	Качество электоральных процессов (Freedom House)*
Нестандартизованные Beta-коэффициенты	0	-,19	-1,04	-,02	-,04	-,12	,23	–	,04
Значимость Beta-коэффициентов***	,14	,30	,06	,09	,10	,50	,45	–	,01
t-статистика**	-1,51	-1,04	-1,96	-1,76	-1,70	-,68	,76	–	2,60
R²	,09	,05	,16	,14	,12	,23	,00	0,184	,24

* Индекс варьирует в пределах 0–7. Значение 7 соответствует абсолютно несвободным и несправедливым выборам, значение 0 — полностью свободным и справедливым. Методологию расчета показателя см. http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=352&ana_page=347&year=2008

** Для Beta-коэффициентов.

*** 5%-ный уровень значимости.

**** Регион 1 — принадлежность к Восточной Европе, регион 2 — принадлежность к постсоветским странам (страны Балтии отнесены к Восточной Европе).

²⁹ http://www.cia.gov/search?q=gdp+ppp+by+country+1999&site=CIA&output=xml_no_dtd&client=CIA&myAction=%2Fsearch&proxystylesheet=CIA&submitMethod=get&x=0&y=0; <http://www.economics.harvard.edu/faculty/alesina/files/fractionalization.pdf>; Corruption Perception Index // http://www.transparency.org/news_room/in_focus/2009; Human Development Index; World Values Survey // <http://www.worldvaluessurvey.org/>

График 1. Зависимость уровня доверия парламенту от качества электоральных процессов

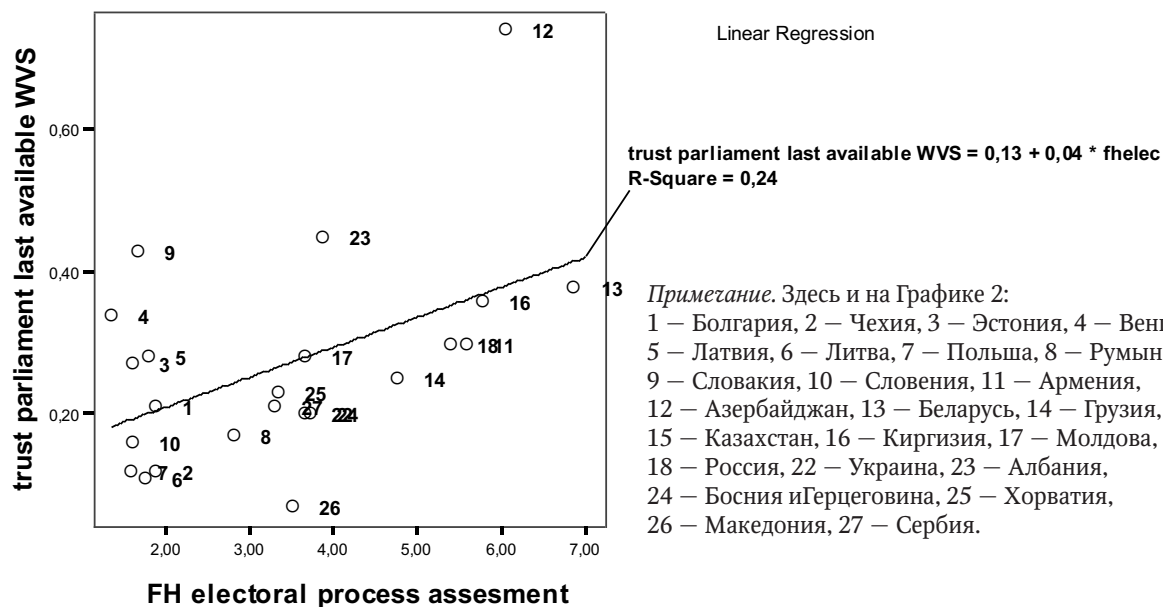
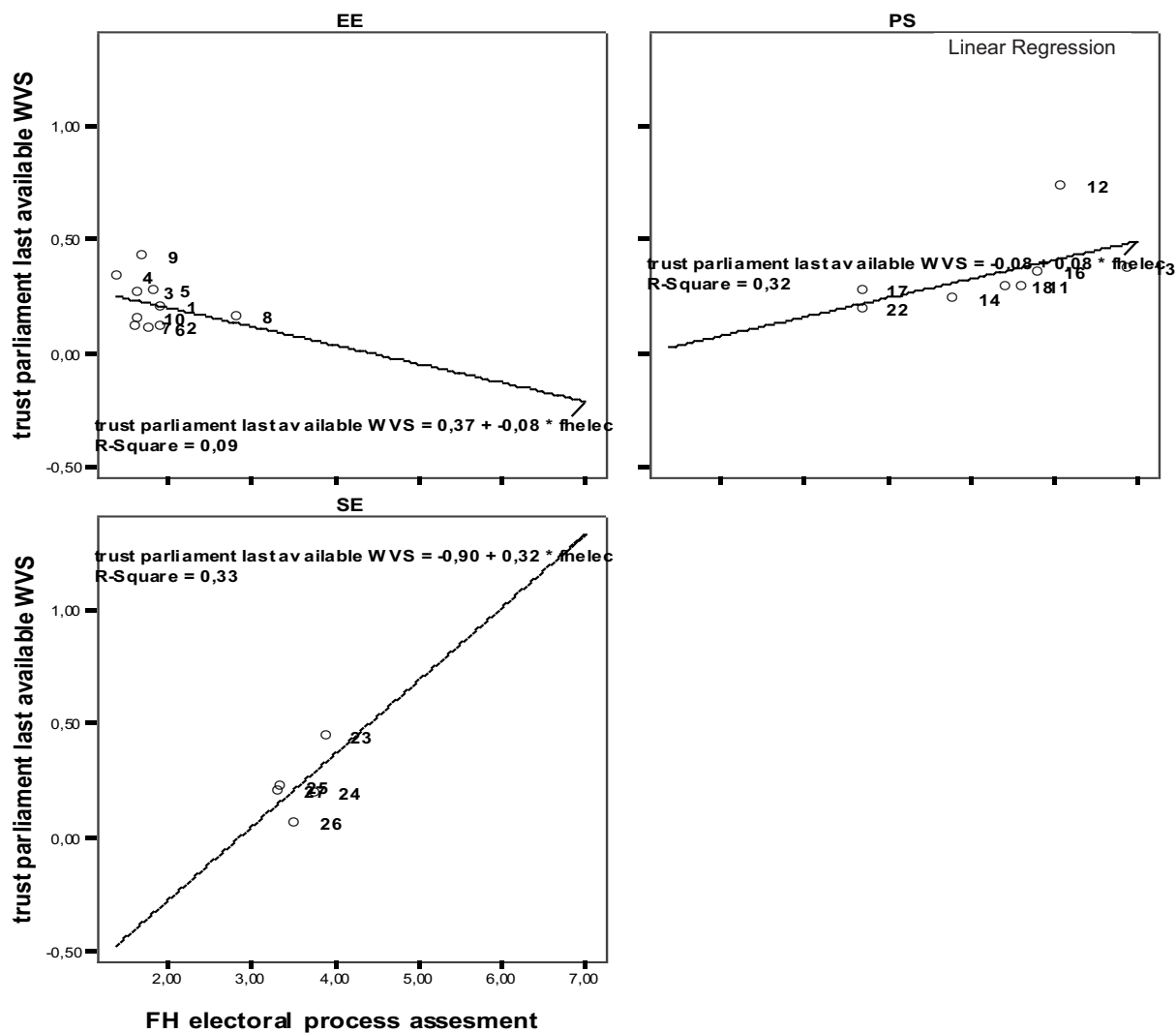

График 2. Качество электоральных процессов и доверие парламенту по трем регионам

Если разбить выборку стран на три региональные группы — Восточная Европа, Южная Европа (бывшие югославские республики) и постсоветское пространство³⁰, то сильная отрицательная связь обнаруживается в бывших югославских и советских республиках (см. График 2). В странах Восточной Европы, большинство которых считается демократиями, где помимо электоральных процедур соблюдаются остальные гражданские и политические права, качество электоральных процессов не оказывает влияния на легитимность политического режима. Вероятно, это объясняется тем, что в них уже достигнут необходимый уровень соблюдения избирательных процедур. Из этого ряда выбивается Румыния, которая по данным показателям оказывается ближе к балканской группе. Вариация по уровням доверия к парламенту, правительству и политическим партиям в данном регионе, безусловно, присутствует, но она со всей очевидностью не объясняется качеством выборов. Соответствие выборов международным стандартам подразумевается, но не является предметом беспокойства граждан, а значит — не влияет на их восприятие политического режима.

В балканских странах и странах постсоветского пространства наблюдается мильная негативная зависимость легитимности режима от «честных и справедливых» выборов. Это можно связать с политической динамикой последнего десятилетия. Так, в Хорватии имела место демократизация после ухода с политической арены Франьо Туджмана. Аналогичные процессы произошли в Сербии после поражения на выборах Слободана Милошевича. Любопытно отметить, что Молдова и Украина не только по параметрам политического режима и его легитимности, но и по характеру взаимосвязи между выборами и легитимностью находятся в одной группе со странами бывшей Югославии (см. результаты кластерного анализа в Приложении 2). Причина, возможно, в сходстве политических траекторий. Таким образом, все есть основания полагать, что проведение свободных и справедливых выборов влияет на легитимность режима. Выборы дискредитируют инкубентов и одновременно легитимируют оппозицию.

Страны постсоветского пространства демонстрируют несколько более высокие уровни доверия к парламентам, однако вариация по зависимой переменной не очень велика. Самые высокие показатели доверия — у наиболее авторитарных государств, Азербайджана и Беларуси, а также в Киргизии. В целом в данной группе оказались соревновательные авторитарные режимы. Как утверждают Росслер и Ховард, именно этот тип режима является наиболее уязвимым и нестабильным, наиболее подверженным демократическому транзиту по

средством выборов (democratization by elections)³¹. Электоральные революции 1999–2008 гг. в данном регионе увенчались успехом в Грузии («революция роз» в 2003 г.) и Киргизии («революция тюльпанов» в 2005 г.). В Грузии качество выборов более высокое, но доверие к национальной легислатуре ниже, чем в Киргизии. В целом очевидна тенденция: чем меньше соблюдаются международные стандарты проведения выборов, тем выше легитимность режимов. Напротив, справедливые выборы дестабилизируют и делегитимируют данный тип политического режима. Но они необязательно приводят к демократизации. Ярким примером является Киргизия, где в результате «революции тюльпанов» демократия так и не стала реальностью.

В наиболее закрытых авторитарных режимах, Азербайджане и Беларуси, качество выборов низкое, но это не влияет на легитимность режима и доверие к политическим институтам. Роль самих выборов в условиях авторитаризма иная. Они являются проявлением так называемого соревновательного клиентелизма, способом рекрутирования патронов в состав выборных органов для эффективного взаимодействия с правительством и дальнейшего оказания услуг клиентам. «Выборы помогают правящим элитам, предоставляющим особые привилегии локальным элитам, создавать среди конкурирующих элит и их сторонников веру в то, что они будут иметь доступ к государственным ресурсам — если не сейчас, то в будущем. Они устанавливают структуру стимулов, которые создают циркуляцию в прорежимных легислатурах. Совершенно не оказывая демократизирующего влияния на режим, выборы представляют собой механизм распределения патронажа, который уменьшает спрос на перемены»³². Анализируя причины поражения электоральных революций (democratization by elections) в Армении (2003, 2008), Азербайджане (2003, 2005) и Беларуси (2001, 2006), В. Банс и Ш. Волчик отмечают, что ключевую роль играет не только сплоченность оппозиции, ее готовность к организованным протестным действиям, но и само восприятие выборов их участниками³³. Таким образом, выборы в слабых и неустойчивых режимах не гарантируют демократизации. Они могут вести к делегитимации существующих режимов, но лишь при определенном уровне процедурной честности избирательных практик. Чаше, однако, они помогают воспроизводить недемократический политический режим и способствуют его легитимности. В авторитарных режимах персоналистского типа качество выборов просто не имеет значения для участников электо-

³¹ *Roessler P., Howard M. Op. cit.*

³² *Lust E. Op. cit.*

³³ *Bunce V., Wolchik S. Op. cit.*

³⁰ Страны Балтии включены в первую группу.

ральных взаимодействий и поэтому слабо ассоциируется с легитимностью.

Анализ данных показал, что целый ряд контрольных переменных (уровень экономического развития, этническая фракционализация, явка на парламентские выборы) не влияют на легитимность режима. Уровень модернизации и восприятие коррупции оказывают несколько большее влияние на доверие к политическим институтам, но и эти связи довольно слабые (см. Приложения 3, 4). Во всех случаях, кроме явки на парламентские выборы, наблюдается обратная зависимость: чем выше уровень экономического развития, модернизации и коррупции, тем меньше уровень доверия политическим институтам. Гипотеза о негативном влиянии экономического неравенства на легитимность режима оказалась более оправданной (см. Приложение 5). Правда, такая зависимость не наблюдается в случаях Азербайджана и Грузии. Заслуживает особого внимания еще одна контрольная переменная — явка на президентские выборы (см. Приложение 6). Эта переменная обладает практически такой же объяснительной способностью, как и качество электоральных процессов. В Беларуси, Армении, Киргизии, Грузии и России наблюдается сильная зависимость между явкой на президентские выборы и уровнем доверия к парламенту. Это подтверждает гипотезу о

том, что явка на президентские выборы — это индикатор доверия/недоверия президенту как конкретной персоне. Уже в этом качестве она связана с легитимностью политического режима. Данный тезис вполне согласуется с классической типологией в источниках легитимности у Макса Вебера: в одних случаях источником легитимности является конкретная персона или политический пост (традиционная или харизматическая легитимность), а в других — соблюдение «честных правил игры» (целерациональная легитимность).

Таким образом, прямая связь между качеством выборов и легитимностью режима отсутствует. Более того, в посткоммунистическом мире эта зависимость является обратной. Честные и свободные выборы не являются источником легитимности в либеральных и отчасти электоральных демократиях (Польша, Венгрия, Чехия), а «нечестные и несправедливые» выборы поддерживают авторитарные режимы и обеспечивают их устойчивость и легитимность (Азербайджан, Беларусь, Россия). В наименее устойчивых соревновательных авторитарных режимах конкурентные выборы могут стать стимулом к демократизации (Сербия, Хорватия). Но этот сценарий имеет альтернативу: выборы могут лишь спровоцировать смену правящей группы без существенной демократизации режима (Киргизия).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

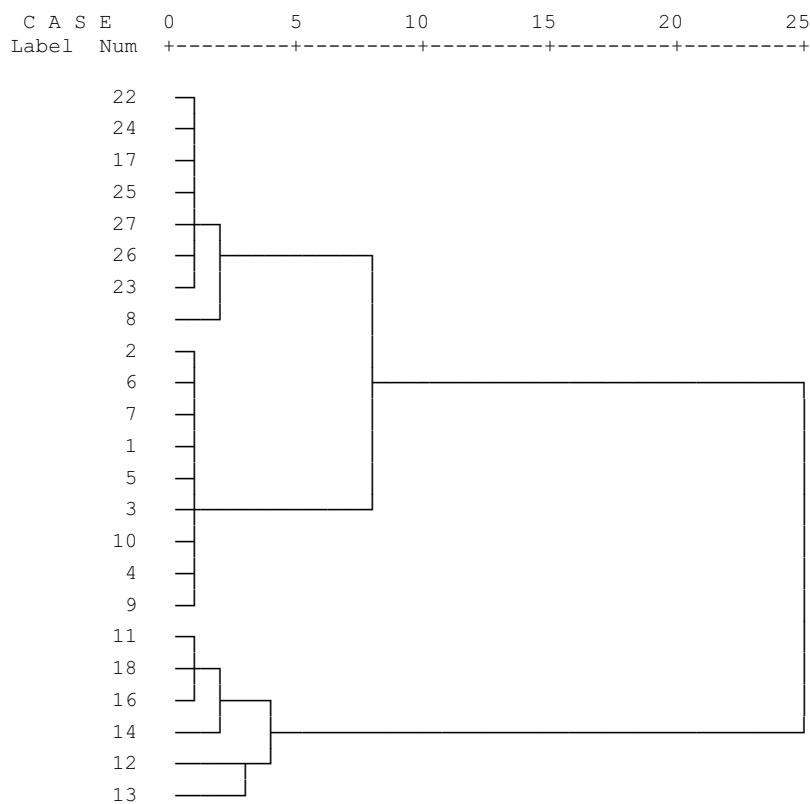
Таблица корреляционных коэффициентов по независимым переменным

	Доверие к парламенту	Явка на парламентские выборы	Явка на президентские выборы	Участие в мирных демонстрациях	ВВП на душу населения	Децильная пропорция	Индекс человеческого развития
Доверие к парламенту	1	,023*	,481	,115	–,314	–,376	–,402
Явка на парламентские выборы	,023	1	,727*	,044	–,315	,186	–,500*
Явка на президентские выборы	,481	,727*	1	,482	–,604*	,171	–,766*
Участие в мирных демонстрациях	,115	,044	,482	1	–,215	,039	–,172
ВВП на душу населения	–,314	–,315	–,604*	–,215	1	–,222	,936*
Децильная пропорция	–,376	,186	,171	,039	–,222	1	–,212
Индекс человеческого развития	–,402	–,500*	–,766*	–,172	,936*	–,212	1

* Корреляции значимы на 1%-ном уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Результаты иерархического кластерного анализа

Примечание: 1 – Болгария, 2 – Чехия, 3 – Эстония, 4 – Венгрия, 5 – Латвия, 6 – Литва, 7 – Польша, 8 – Румыния, 9 – Словакия, 10 – Словения, 11 – Армения, 12 – Азербайджан, 13 – Беларусь, 14 – Грузия, 15 – Казахстан, 16 – Киргизия, 17 – Молдова, 18 – Россия, 22 – Украина, 23 – Албания, 24 – Босния и Герцеговина, 25 – Хорватия, 26 – Македония, 27 – Сербия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Качество выборов в сочетании с другими возможными факторами, влияющими на легитимность режима

Параметр модели	Исключенные переменные	R ²
Модель 1	Все*	,891
Модель 2	Явка на президентские выборы	,891
Модель 3	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы	,870
Модель 4	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы; HDI	,870
Модель 5	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы; HDI; этническая фракционализация	,732
Модель 6	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы; HDI; этническая фракционализация; GDP	,655
Модель 7	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы; HDI; этническая фракционализация; GDP; CPI	,613
Модель 8	Явка на президентские выборы; явка на парламентские выборы; HDI; этническая фракционализация; GDP; CPI; HDI	,561
Модель 9	Все, кроме качества электоральных процессов	,753

* В регрессионный анализ введена порядковая переменная (dummy variable) «регион»: принадлежность к Восточной Европе, Южной Европе (Балканы) и постсоветское пространство (кроме стран Балтии).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

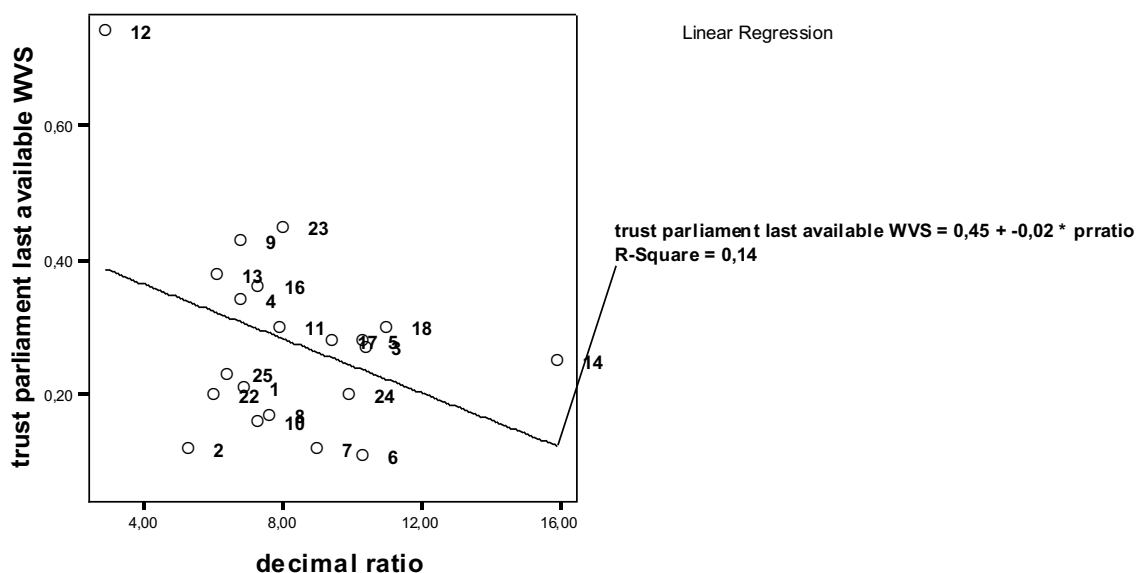
Значимость регрессионных коэффициентов в тестируемых моделях 1-9

Значимость стандартизованных Beta-коэффициентов / Модель	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Этническая фракционализация	,38*	,23	,16	,07	–	–	–	–	,74
ВВП на душу населения	,38	,21	,11	,03	,23	–	–	–	,36
Индекс восприятия коррупции	,27	,08	,06	,02	,15	,38	–	–	,56
Децильная пропорция	,21	,11	,07	,04	,12	,10	,08	,08	,39
Оценка качества избирательного процесса, «Freedom House»	,25	,14	,09	,03	,18	,26	,26	,33	–
Индекс человеческого развития	,65	,56	,95	–	–	–	–	–	,34
Явка на парламентские выборы	,62	,50	–	–	–	–	–	–	,53
Явка на президентские выборы	,99	–	–	–	–	–	–	–	,85
Участие в мирных демонстрациях	,18	,07	,05	,02	,15	,24	,33	–	,36

* Значимость (significance) переменной в регрессионной модели на 5%-ном уровне

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Влияние экономического неравенства на доверие политическим институтам

Примечание: Здесь и в Приложении 6: 1 – Болгария, 2 – Чехия, 3 – Эстония, 4 – Венгрия, 5 – Латвия, 6 – Литва, 7 – Польша, 8 – Румыния, 9 – Словакия, 10 – Словения, 11 – Армения, 12 – Азербайджан, 13 – Беларусь, 14 – Грузия, 15 – Казахстан, 16 – Киргизия, 17 – Молдова, 18 – Россия, 22 – Украина, 23 – Албания, 24 – Босния и Герцеговина, 25 – Хорватия, 26 – Македония, 27 – Сербия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

**Зависимость доверия парламенту
от явки на президентские выборы**